

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ, 2 ТОМ

ФИЛОСОФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Сигер Брабантский, Роджер Бэкон
и Дунс Скот

Цель – анализ схоластической философии Средневековья, в частности, учений Сигера Брабантского, Роджера Бэкона и Дунса Скота.

План

1. Канонизация Фомы Аквинского.
2. Сигер Брабантский.
3. Роджер Бэкон.
4. Дунс Скот.

Ключевые слова

Канонизация, «actus», «objectum», «habitus», латинский аверпроизм, «scientia experimentalis», «тонкий доктор».

Данная лекция посвящена анализу схоластической философии XIII века после Фомы Аквинского, рассмотренной Энтони Кенни во второй главе его книги.

В 1316 году папа Иоанн XXII начал процесс канонизации Фомы Аквинского. Было довольно трудно найти подходящие чудеса, совершенные Фомой, но канонизация продолжалась. «Чудес столько же, сколько и статей в "Сумме..."», – заявил папа; и в 1323 году Фома стал святым.

Париж довольно запоздало отменил осуждение его работ в 1325 году. Оксфорд, однако, не принял никакого академического уведомления о канонизации, и на протяжении всего Средневековья Аквинат, вне своего ордена, не пользовался особым престижем среди католических богословов, которым он мог бы наслаждаться в двадцатом веке. В 1879 году энциклика Aeterni Patris папы Льва XII провозгласила средневековую схоластику Фомы Аквинского официальной философией католической церкви.

Все, кто изучает Аквинского, в долгу перед папой Львом за стимул, который его энциклика дала к изданию «Суммы теологии» и другим работам Фомы. Но продвижение его учения как официальной доктрины церкви имело также отрицательный эффект. Оно закрыло философское исследование Святого Фомы не католическими философами, которые стали рассматривать его как простого представителя определенной церковной системы. Проблема обострилась, когда в 1914 Пий X выделил двадцать четыре тезиса философии Фомы Аквинского для преподавания в католических учреждениях.

Светскую реакцию на канонизацию Святого Фомы подытожил Бертран Рассел в своей «Истории западной философии»: «У него мало истинного философского духа: он не ставит своей целью, как платоник Сократ, следовать повсюду, куда его может завести аргумент. Аквинского не интересует исследование, результат которого заранее знать невозможно. Прежде чем Аквинский начинает философствовать, он уже знает истину: она возведена в католическом вероучении». (Мы говорили об этом в предыдущей лекции.)

Кенни отвечает на эту критику Фомы Аквинского Бертраном Расселом, отмечая, что на самом деле это несерьезное обвинение против философа, когда он ищет веские причины для того, во что уже верит. Декарт, сидя у камина, одетым в халат, искал причины оправданию того, что он сделал в своей жизни, и потребовалось много времени, чтобы найти их. Рассел сам потратил много сил на поиски доказательств того, во что он уже верил: в «Principia Mathematica» доказательство того, что 1 и 1 дают 2, занимает сотни страниц, слегка иронизирует Кенни.

Мы судим философа по тому, являются ли его рассуждения здравыми или необоснованными, а не по тому, где его впервые озарили мысли или как он впервые пришел к своим верным выводам, продолжает Кенни. Враждебность к Аквинскому, основанная на его официальном положении в католичестве, таким образом, неоправданна, но понятна, особенно для светских философов. Но были и более серьезные действия Льва XIII и Пия X, которые оказали плохую услугу философской репутации Фомы Аквинского в не католических кругах.

Официальное уважение, оказанное Аквинскому Церковью, означало, что его идеи и аргументы часто были представлены грубыми поклонниками, которые не смогли оценить его философскую изощренность. Даже в семинариях и университетах томизм, введенный Львом XIII, часто имел формы учебников, а не изучение текста самого святого.

После второго Ватиканского собора Святой Фома, кажется, потерял милость церковных кругов, он был заменен в списках чтения на более поздних авторов. С другой стороны, девальвация Святого Фомы в рамках католицизма сопровождается его переоценкой в светских университетах различных частей света.

Новый интерес к Аквинскому более разнообразен и более критичен, чем ранее обозначенное восприятие его работ. Возможность очень противоречивых толкований заложена в самой природе наследства Аквинского. Творчество святого очень объемно – более 8 миллионов слов – так что любой исследователь его работ обязательно сосредоточится лишь на небольшой части сохранившегося корпуса трудов. Даже если концентрироваться – как обычно делают ученые – на одном или другом из великих Сумм, толкование любой части этих работ будет частично зависеть от того, какие из его других параллельных работ могут пролить свет на изучаемый текст. Особенно теперь, когда весь корпус доступен для поиска с помощью компьютера, появились большие возможности для анализа текстов.

Во-вторых, хотя латынь текстов Аквинского сама по себе удивительно ясна, перевод его на английский язык – дело не тривиальное и спорное. Латинские термины Аквинского имеют английские эквиваленты, которые являются общими терминами в современной философии; но значения латинских терминов и их английских эквивалентов часто очень разные. Есть не только английские слова, которые пришли к нам после столетий независимой истории, часть слов вошла в язык с латыни, когда их философское использование было под влиянием теорий, противоположных теории Аквинского. Мы должны остерегаться, например, таких слов, как «actus», или «objectum», или «habitus», потому что они могут обозначать не то, что мы подразумеваем, предупреждает Кенни.

В-третьих, в случае таких писателей, как Платон или Аристотель, у переводчика часто есть возможность прояснить двусмысленности в обсуждении путем концентрации на конкретных примерах, которые иллюстрируют философскую точку зрения. Но Аквинский – из всех средневековых схоластов – не очень увлекается иллюстративными примерами, а когда он использует их, они часто бывают довольно примитивными, в смысле их частого использования. Поэтому комментатор для того чтобы сделать текст понятным современному читателю, должен предоставить свои примеры, и выбор примеров указывает на уровень толкования текста.

Наконец, любой поклонник гениальности Аквинского желает представить его произведения современной аудитории в лучшем свете. Но что значит для переводчика сделать все самое лучшее для Аквинского? Это зависит от того, что он считает особенно ценным в его философии. В частности, существует фундаментальная неоднозначность мышления Аквинского, лежащая в основе философского разногласия среди его комментаторов. Аквинский известен как человек, который примирил христианство с аристотелизмом; но, как мы увидим в последующих главах, можно найти также значительные элементы платонизма в его трудах. Многие современные комментаторы принимают аристотелизм Аквинского серьезно и отрекаются от платонических остатков, но есть те, кто с платоническим Фомой против Фомы-аристотелика. Мотив для этого может быть богословским: такой подход облегчает принятие учения о том, что душа переживает смерть тела, что ангелы – чистые формы, и что Бог – чистая актуальность. Сам Аквинский на самом деле был аристотеликом на земле, но платонистом на небесах, считает Кенни.

Для тех, кто больше интересуется философией, чем историей, различные интерпретации Аквинского более чем приветствуются. Его собственный подход к трудам предшественников был в целом чрезвычайно умиротворительным: вместо того чтобы атаковать предложение, которое на первый взгляд было довольно ошибочным, он стремился сделать из него «доброкачественную интерпретацию», часто за пределами исторической вероятности. То, что он был знаком с греческими, еврейскими и мусульманскими текстами, открывает его преемникам возможность широко расходящихся толкований его работ и призывает их следовать его примеру в экуменическом стремлении к философской истине.

В конце своей жизни Аквинский посвятил много энергии борьбе с радикальными формами аристотелизма на факультете искусств в Парижском университете. Эти философы утверждали, что мир существовал всегда и что существует единый интеллект во всех человеческих существах. Первый тезис, несомненно, был основной частью космологии Аристотеля; второй является результатом толкования психологии Аристотеля его самый авторитетным комментатором

Аверроэсом. По этой причине эту школу часто называют «латинским аверроизмом»: его ведущим представителем был Сигер Брабантский (1235–1282 гг.). Характерные учения этих парижских схоластов было сложно примирить с христианскими доктринами творения и будущей жизни для отдельных человеческих душ. Некоторые утверждали, что просто передают, без изменений, учение Аристотеля; сам Сигер учил в свое время, что некоторые положения Аристотеля и Аверроэса доказуемы в философии, хотя вера учила обратному.

В 1270 году архиепископ Парижский подверг осуждению список из тринадцати учений, начиная с утверждений «интеллект всех людей един» и «никогда не было первого человека». Осуждение, скорее всего, явилось результатом двух монографий, которые были написаны Аквинским против основных доктрин Сигера. Но, несмотря на этот спор между ними, два мыслителя часто объединялись в умах их младших современников. С одной стороны, учения, содержащие тезисы Сигера и Фомы, подверглись порицанию в Париже и Оксфорде в 1277 году. С другой стороны, Данте размещает их бок о бок в раю и заставляет святого Фому хвалить Сигера за вечный свет, излучаемый глубиной его мысли. Этот комплимент озадачил комментаторов; но, возможно, Данте думал о Сигере как о христианском мыслителе, оценившем вклад языческих и мусульманских мыслителей в томистский синтез.

Сам Данте, хоть и не имел профессионального образования, хорошо разбирался в философии, а «Божественная Комедия» часто представляет схоластические доктрины в изысканном стихе. Наиболее существенный вклад Данте в философию – это его книга «О монархии». Он утверждает, что интеллектуальное развитие человека может происходить только в условиях мира, которого в реалиях постоянного национального соперничества можно достичь только при наднациональном руководстве. Это руководство должен осуществлять не Папа Римский, а император Священной Римской империи, утверждает он.

Старшим современником Данте был Роджер Бэкон, который пережил Сигера на несколько десятков лет. Роджер Бэкон родился в Илчестере около 1210 года, учился и преподавал в Оксфорде на факультете искусств до 1247 года. Затем он перебрался в Париж и присоединился к ордену францисканцев. Он не любил Париж и сравнивал парижских докторов Александра Гэльского и Альберта Великого со своим оксфордским учителем Робертом Гроссетестом. Сравнение было не в пользу парижских ученых. Единственный парижский доктор, которым он восхищался, был Пьер де Марикур, который научил его важности эксперимента в научных исследованиях и привел его к мнению, что математика была «дверью и ключом» к определенности в философии. По неизвестным причинам в 1257 году руководство францисканского ордена запретило ему преподавать, но ему разрешили продолжать писать, и в 1266 году Папа Климент IV попросил прислать ему его тексты. К сожалению, Климент IV не прожил достаточно долго, чтобы прочитать эти тексты, и Бэкон был осужден в 1278 году за еретические взгляды на астрологию и прожил большую часть своей жизни в тюрьме, умер в 1292 году.

Роджер Бэкон часто считается предшественником его тезки семнадцатого века Фрэнсиса Бэкона в своем акценте на роль эксперимента в философии. В своей основной работе «Opus maius» Роджер, как и Фрэнсис, критикует источники ошибок: почтение к власти, слепые привычки, народные предрассудки и притворство высшей мудрости. Он говорит, что есть два важных предварительных условия научных исследований. Одно – серьезное изучение древних языков – текущие латинские переводы Аристотеля и Библии имеют серьезные недостатки. Другое – реальное знание математики, без чего нельзя добиться успеха в таких науках, как астрономия. Собственный вклад Бэкона в науку сосредоточен на оптике, где он следовал за некоторыми из идей Гроссетеста. Действительно, в одно время верили, что он – первый изобретатель телескопа.

Бэкон выделяет особый вид науки – *scientia experimentalis*. Априори рассуждения могут привести нас к правильному выводу, говорит он, но только опыт дает нам уверенность. Аристотелевская физика учит тому, что огонь может обжечь, но только ребенок, который на самом деле обжегся, будет бояться огня. Хотя Бэкон верил в возможность алхимической трансмутации металлов в золото и считал, что результатом научных исследований может быть способность предсказать будущее и творить чудеса, он делал резкое различие между наукой и магией. Действительно, он думал, что одной из причин для занятия наукой было опровержение

ложных утверждений, сделанных для магического искусства. Но прежде чем приветствовать его как главного героя в любой войне между наукой и мистикой, важно помнить, что в «опыт», которому он придавал большое значение в философии, он включает религиозные видения и мистические озарения.

Роджер Бэкон был одним из выдающихся трио францисканских мыслителей, которые украшали Оксфорд в тринадцатом и четырнадцатом веках, другие два были Иоанн Дунс Скот и Уильям Оккам. Это были три совершенно разных философа, поэтому было бы неправильно думать об Оксфорде как месте определенной францисканской школы мысли. Но все трое имели влияние, которое распространялось далеко за пределы не только Оксфорда, но и всей Англии.

Из всех великих философов Иоанн Дунс Скот – тот, чья жизнь меньше всего известна и чья биография почти целиком основывается на догадках. Любые выводы о его карьере могут основываться всего на четырех датах, которым есть документальные свидетельства: 17 марта 1291 года он был рукоположен в Нортгемптоне; 26 июля 1300 года он был в Оксфорде, как францисканский монах, безуспешно ищущий лицензию на исповедь; 18 ноября 1304 года генерал ордена францисканцев высоко оценил его и назначил на авторитетную позицию в Париже; 30 февраля 1308 года он был лектором богословия в Кельне. Даже дата его смерти неопределенна; традиционно считается, что это – 8 ноября 1308 года.

Из этих фрагментов ученые построили скелет его биографии: далее следует лишь одна из нескольких возможных реконструкций. Иоанн родился в шотландском городе Дунсе примерно в начале 1266 года. В течение 80-х годов XIII века он был в Оксфорде, где изучал философию в францисканском доме серых монахов, который был уже достаточно большим, чтобы содержать около семидесяти студентов. Дунс Скот начал богословские исследования в университете в 1288 году: курс длился тринадцать лет и завершился тремя годами чтения обязательных лекций: два по «Сентенциям» Петра Ломбардского и один по Библии. В 1300 или 1301 году он получил степень бакалавра богословия, эквивалентный статусу ассистента профессора.

По причинам, о которых можно только догадываться, францисканские власти решили, что вместо того чтобы получить докторскую степень в Оксфорде, Скот должен стать бакалавром в Париже. Возможно, он проявил блестящий талант в качестве лектора, что они решили дать ему шанс блистать в главном университете эпохи. Однако францисканский монастырь в Париже, дом Александра Гэльского и Бонавентуры не обеспечили мирную обстановку. После года чтения лекций по «Сентенциям» Дунс Скот, вместе с восьмьюдесятью другими монахами, был изгнан из Франции за поддержку папской стороны в споре между королем Филиппом Справедливым и папой Бонифацием VIII. Последний год своей жизни он провел в Кельне. Он умер там и был похоронен во Францисканской церкви с эпитафией «Шотландия родила меня/Англия обучила меня/Франция приветствовала меня/Кельн хранит меня».

Многие рукописи сочинений Дунса Скота сохранились, но их природа и порядок преподносят столько же загадок, сколько и детали его биографии. Его канон, собранный преданными учениками, был опубликован в двенадцати томах в 1639 году. Дунс Скот не простой автор для чтения. Однако у него был один из самых острых умов, когда-либо занимающихся философией, и он вполне заслужил свое прозвище «тонкий доктор», считает Кенни.

По многим основным вопросам Дунс Скот занял противоположную позицию по отношению к Фоме Аквинскому. Скот порвал с традицией Аристотеля, поддерживая, что понятия бытия и других универсально применимых предикатов, таких как «хорошо», не были аналогичны, но однозначны, и могли быть использованы в идеях о Боге в точно таком же смысле, как и в идеях о существах. Дунс Скот считал, что метафизика была наукой, которая изучал однозначное понятие бытия и его фундаментальные свойства.

Истолковывая акт творения как переход от уменьшенного бытия универсалий в качестве объектов божественного мышления к реальному бытию индивидов, Дунс Скот впервые в русле платоновско-аристотелевской философской традиции придает индивиду статус фундаментальной онтологической единицы. Индивид, согласно учению Дунса Скота, обладает более высоким бытийным совершенством, чем совершенство видовой или родовой сущности. Утверждение ценности индивида вело к утверждению ценности человеческой личности, что соответствовало духу христианского вероучения. Именно в этом и состоял главный смысл доктрины Дунса Скота.

Дунс Скот важен в истории философии, потому что многие его философские инновации стали восприниматься мыслителями как непререкаемые принципы в последующих поколениях, считает Кенни. Дебаты между Лютером и Кальвином и их католическими противниками происходили на фоне принципиальных предположений Дунса Скота. Те рамки, в которые Декарт заложил основы современной философии, были во всех ее основах возведены в Оксфорде около 1300-х годов. Четверть века, отделявшая «Сумму теологии» Аквинского от лекций Дунса Скотта, была одним из самых знаменательных периодов в истории философии.

Дунса Скота не читают за пределами профессиональных кругов: он философ философов. Но один из тех, кто дал самую яркую оценку его гению, был викторианский поэт Джерард Мэнли Хопкинс, который воздвиг его на пьедестал выше Аквинского, Платона и Аристотеля.

Таким образом, мы рассмотрели учения средневековых схоластов Сигера Брабантского, Роджера Бэкона и Иоанна Дунса Скота, представленных в книге Энтони Кенни «Философия средневековья». Следующую лекцию мы посвятим философии Уильяма Оккама, оксфордских калькуляторов и Джона Уиклифа.

Вопросы для закрепления темы

1. Почему процесс канонизации Фомы Аквинского длился долгие годы?
2. В чем суть несогласия Энтони Кенни с критикой Бертрانا Рассела учения Фомы Аквинского?
3. Чем отличается новый интерес в истории философии к учению Фомы Аквинского?
4. Кто такие «латинские аверроисты» и в чем суть их учений?
5. Как вы понимаете изречение «математика является "дверью и ключом" к определенности в философии»?
6. Что считает Роджер Бэкон предварительными условиями научных исследований?
7. Почему Иоанна Дунса Скота прозвали «тонким доктором»?

Литература

1. Anthony Kenny. Medieval Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 2. – Oxford University Press. – 2014. – 352 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 2 том, Орта ғасыр философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 400 б.
3. Рассел Б. История западной философии. В двух книгах. Книга 1. – М.: Миф, 1993. – 512 с.
4. <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH8353b6e37d30f7c5402683>